

УДК 81'246
ББК 81.002.1
Т 46

Тихонова А.П.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: aza.tihonova@mail.ru

Лично-местоименные префиксы в хаттском и абхазо-адыгских языках: сравнительно-сопоставительный аспект
(Рецензирована)

Аннотация:

Впервые делается попытка выделить лично-местоименные префиксы и описать их функции в хаттских глаголах и именах путем сравнения с лично-местоименными префиксами в абхазо-адыгских языках. При выделении префиксов во внимание принимались закономерные звуковые соответствия гласных, а также согласных в хаттском и абхазо-адыгских языках по звонкости – глухости, мягкости – твердости и т.п. Хаттские префиксы даются в латинице, их абхазо-адыгские соответствия – в кириллице. Материалом исследования послужили тексты двух билингв: «О боге луны, упавшем с неба» и «Строительный ритуал». Методика исследования основана на сравнительно-сопоставительном анализе двух или более языков с исторической точки зрения. Анализ лично-местоименных префиксов в хаттском языке на материале хронологически разновременных текстов и их сравнение с лично-местоименными префиксами абхазо-адыгских языков выявил переход от классного к личному спряжению глаголов в хаттском языке и возникновение притяжательных префиксов на базе именных классных показателей. Однако соотнесенность одного и того же лично-местоименного префикса с несколькими лицами единственного и множественного числа свидетельствует о том, что этот процесс тогда еще не завершился. Тем не менее, несмотря на большой промежуток времени, разделяющий хаттский и абхазо-адыгские языки, число соответствий лично-местоименных префиксов в этих языках достаточно велико, что позволяет говорить об их родстве. Результаты исследования могут быть использованы при дешифровке древних текстов.

Ключевые слова:

Лично-местоименные префиксы, притяжательный префикс, окаменевший префикс, субъектно-объектные отношения, классы человека и вещей, огласовка

Tikhonova A.P.

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department, Adyghe State University; e-mail: aza.tihonova@mail.ru

Personal-pronominal prefixes in the Hattian and Abkhaz-Adyghe languages: a comparative aspect

Abstract:

For the first time an attempt is made to single out personal-pronominal prefixes and describe their functions in the Hattian verbs and nouns by comparing them with personal-

pronominal prefixes in the Abkhaz-Adyghe languages. When selecting prefixes we took into consideration legitimate sound correspondences of vowels and also consonants in the Hattian and Abkhaz-Adyghe languages: voiced – voiceless, palatal – hard, etc. Hattian words are given in Latin, their Abkhaz-Adyghe match – in the Cyrillic alphabet. The materials of the study were bilingual texts about «The God of Moon Fallen from the Heaven» and «A Building Ritual». The method of research is based on the comparative analysis of two or more languages from historical point of view. The analysis of the Hattian personal-pronominal prefixes in the texts belonging chronologically to different time and their comparison with Abkhaz-Adyghe personal-pronominal prefixes made it possible to reveal: 1) the transition from class to personal conjugation of the verbs in the Hattian language; 2) the appearance of possessive prefixes on the basis of class indicators. However, the correspondence of one and the same personal-pronominal prefix to several persons in the singular and plural numbers indicates that this process hadn't been completed. Nevertheless, in spite of a long time gap between the Hattian and Abkhaz-Adyghe languages, the number of personal-pronominal matches in the languages is quite great, which confirms their relationship. The results of the investigation may be used for deciphering ancient texts.

Keywords:

Personal-pronominal prefixes, possessive prefix, petrified prefix, grammatical classes of things and human, subject-object relations, alternate vowel.

До настоящего времени местоимения представляют наименее исследованный раздел грамматики хаттского языка. Такой тонкий исследователь хаттского, как О. Сойсал, ставит под сомнение ряд местоимений и их принадлежность к тому или иному разряду [1: 187]. И это не случайно. Трудности выделения хаттских местоимений обусловлены следующими факторами: скудостью исследовательского материала; ритуальным характером текстов и практическим отсутствием диалогов; преимущественным вхождением местоимений в структуру глагола для выражения субъектно-объектных отношений, которая до сих пор практически не описана.

Данное исследование представляет собой попытку выделить хотя бы часть хаттских местоимений с опорой на абхазо-адыгские языки и их диалекты, сохранившие в какой-то мере древние элементы. Однако за давностью лет, возможно, мы не найдем прямого соответствия между системой хаттских и абхазо-адыгских местоимений в том виде, в каком она существует сейчас в современных абхазо-адыгских языках.

Материалом исследования послужили два текста: «О боге луны, упавшем с неба» и «Строительный ритуал», анализ которых дает возможность увидеть изменения, имевшие место в системе местоимений. К сожалению, тексты не позволяют обнаружить хронологические ориентиры, от которых можно было бы отталкиваться в их датировке. Тем не менее, их исследование позволяет высказать предположение о бóльшей архаичности первого текста.

Особый интерес представляют местоимения, входящие в структуру глагола, так называемые лично-местоименные префиксы. Э. Форрер первым из исследователей не нашел в хаттском «падежей имени», зато обнаружил, что субъектно-объектные отношения между членами предложения выражаются в глаголе с помощью префиксов, и тем самым отнес хаттский к агглютинативным языкам, к которым, в частности, принадлежат и абхазо-адыгские языки [2: 230; 236].

Дальнейшие попытки обнаружить флексии именительного, дательного, винительного и родительного падежей, что типично для индоевропейских языков,

привели исследователей к неутешительному выводу о «недостаточности хаттского именного склонения» [3: 46]. Стоит только посмотреть на таблицы хаттских падежей, приводимые исследователями, чтобы убедиться, что напротив каждого из предлагаемых падежей стоит прочерк или знак вопроса [3: 67]. Все это свидетельствует о том, что хаттский глагол оформился раньше имени, оказав влияние на становление именного словоизменения. Отсутствие падежей восполняется аффиксами, входящими в структуру глагола, что мы наблюдаем в современном абхазском языке [4: 72].

Предположительно хаттский глагол, подобно глаголу абхазо-адыгских языков, прошел три ступени развития спряжения: 1) классное; 2) классно-личное и 3) личное. Древнейшим (исходным) типом считается классное спряжение, переходным типом классно-личное, а следующей ступенью является личное спряжение [5: 38].

Образцом классно-личного спряжения могут послужить абхазский и абазинский языки, где лично-местоименные префиксы глагола являются показателями лица и классов человека (мужчин, женщин) и вещей, они выражают единственное и множественное число и являются показателями субъекта и прямого или косвенного объекта.

Образцом личного спряжения являются адыгейский и кабардино-черкесский языки, где отсутствуют классы, а префиксы глагола выражают лицо, число, субъект и объект.

Как отмечают исследователи, хаттский язык письменных памятников на рубеже III- II тыс. до н. э. демонстрирует распад морфологической системы классов: класса человека и класса вещей [6: 29-30]. Предположительно на руинах этой морфологической системы закладывается деление на личные, указательные, притяжательные местоимения и совершенствуется местоименная система выражения субъектно-объектных отношений в структуре глагола.

Анализ текста «О боге луны, упавшем с неба» подтверждает переход хаттского глагола от классного к личному спряжению, когда бывший классный показатель начинает выражать лицо, число, а также является показателем субъекта и объекта. При этом должны были обособиться местоимения 1-го лица от местоимений 2-го и 3-го лица. Однако, как будет показано ниже, этого еще не произошло.

В хаттском языке этого периода пока еще отсутствует и только начинает формироваться категория лица. Например, аффикс *и-*, который, вне всякого сомнения, употреблялся для выражения категории человека во всех трех лицах, а в спряжении глагола различались не лица, а классы, начал соотноситься как со 2-м, так и с 3-м лицом единственного числа.

Например: *hu* (говорит) *и-qq-qa?* (ты идешь? -2-е лицо) *иа-ни-иа ha-ba-a-n-ta-li* (она шла Хабантали – 3-е лицо). Все это свидетельствует о том, что 2-е и 3-е лицо в хаттском еще не были дифференцированы. Сравните: Абх. *уара у-цоит* «ты идешь» (мужчина). адыгейск. *Тыдэ уклора?* «Куда ты идешь?»

Адыгейский язык сохранил эту древнюю недифференцированную ступень развития личного спряжения:

(1) в инфинитных образованиях одноличных глаголов в значении «пока»: *сэ сэ-клуэ-фэ* «пока я иду; *уэ уэ-клуэ-фэ* «пока ты идешь»; *ар уэ-клуэ-фэ* «пока он идет»

(2) в непереходных одноличных динамических глаголах в форме сослагательно-повелительного наклонения: *уэ-рэху!* «Пусть будет то!»

(3) при одноличных непереходных глаголах в вопросительной форме с суффиксом *-и*: *Тыдэ ар уэклиу?* «Куда он шел?» [5: 54-55].

Текст «Строительного ритуала» свидетельствует о том, что префикс *ǰ-* с огласовкой *-eǰ-/ǰe-* (бывший показатель класса вещей) соотносится как с 3-м, так и с 1-м лицом. Это соответствие не ускользнуло от внимания Э. Лароша. По словам

И.М. Дунаевской, Э. Ларош, как и Э. Форрер, считает *eš-* показателем множественного числа в глаголе и рассматривает его в одних случаях как префикс 1-го лица множественного числа (*eš-kaher-pi*), а в других – как префикс 3-го лица множественного числа (*tešput, tešwau*) [7: 94].

Действительно, *š-* является показателем 1 лица множественного числа, когда речь идет от имени царя, как, например, в нижеприводимой фразе: *ua-šapta eš uur aš-kahhir šuua* «Верховные боги страной нас управлять поставили».

Вяч.Вс. Иванов отмечает, что толкование *eš-* как 1-го лица множественного числа находится в полном соответствии с текстом хеттских молитв и обрядов, где царь в аналогичных случаях говорит о себе в 1-м лице множественного числа, что подтверждается хеттским пересказом аналогичной глагольной формы [8: 151].

Однако следует принять во внимание, что *š-* употребляется с огласовкой *a* (*aš-*), что показывает согласование с субъектом действия в масдаре (инфинитиве) во множественном числе. Таким образом, хаттский префикс *š-* 1-го лица (мы) имеет абхазо-адыгские соответствия в 1-м лице единственного числа; ср. убых. *c(ə)*, адыг. *c(ə)*, абх. абаз. *c(a)* «я».

Абхазский лично-местоименный глагольный аффикс *c-* 1-го лица единственного числа является показателем: а) субъекта в непереходных и переходных глаголах: *c-*цауайт «я иду», *йы-c-хэауайт* «то я говорю»; б) прямого объекта в переходных глаголах: *лара сы-л-гайт* «она меня взяла»; в) косвенного объекта переходных глаголов: *лара йы-сы-л-тайт ашэкэы* «она мне книгу дала» [9: 28].

В нижеприведенном примере *eš-* соотносится с 3-м лицом и служит показателем объекта в единственном числе: *anna eš-kaher=pi tabarna[-n katti/e] le-uel* «Они им управляют правителя-царя **домом**».

Префикс *še-* (метатеза *eš-*, Lautumstellung по О. Сойсалу) может обозначать как единственное, так и множественное

число. Например, *še-* во фразе *še-it-tu-uq-qa-aš* «**Она** к нему (богу грозы) подошла» соотносится с субъектом действия в 3-м лице единственного числа.

Однако в следующем примере *ta-a-ú-ua tu-ú-pi še-ih-ku-ua-t* «Страх и ужас **они** (совместное действие) **его** охватили» *še-* соотносится с субъектом действия в 3-м лице множественного числа. Как видим, в хаттском языке отсутствует разграничение местоимений 3-го лица единственного и множественного числа.

Особый интерес представляет местоименный компонент *h-* с огласовкой перед глагольным корнем *-ku*, к которому привлёк внимание Э. Форрер в высказывании *zi-ši-im a-ah-ku-n tu-ua ta-ru* «никто его (бога луны) не видел. Шел Тару (бог грозы)». Он совершенно верно отметил, что *h-* выражает объектные отношения: *h das Akkusative-Object bezeichnet* [2: 237]. В следующей фразе этот же элемент перед корнем обозначает косвенный объект действия: *tu-uh-ta-šu-ul tu-u-mil* «Послал он вслед **за ним** (богом луны) ливень».

Аналогичный лично-местоименный аффикс *χ-* 1-го лица мн. числа в абхазском языке выступает в качестве: 1) субъекта или 2) объекта действия в переходных и непереходных глаголах: 1) *χтəоуп* «мы сидим», 2) *иахлырбоит* «она нам показывает» [9: 284]. Следовательно, функция компонента *h-/χ-* во втором случае в двух языках совпадает. Единственное различие состоит в том, что в хаттском языке *h-* является показателем 3-го лица единственного числа, а в абхазском – показателем 1-го лица множественного числа.

В хаттском языке есть случаи употребления префикса *it-* в качестве показателя 3-го лица единственного числа косвенного объекта, причем с показателем направления (приближения) *-tu*: *še-it-tu-uq-qa-aš* «Она **к нему** (богу грозы) подошла».

При сопоставлении местоименной формы *it-tu* «к нему» с именными формами *i-iah-du* «с небес» и *zu-du* «на землю» (адессивный падеж – падеж направления,

местный падеж), мы обнаруживаем, что формоизменение местоимений складывается под непосредственным влиянием формоизменения имени.

Хаттский местоименный префикс *t-* соотносится с абхазским личным местоименным глагольным префиксом *д-* 3-го лица единственного числа класса человека, который является показателем: а) субъекта непереходных глаголов: *иара дааит* «он пришел», *лара дааит* «она пришла»; б) прямого объекта переходных глаголов: *ачкэын ақытахь дыргыйт* «мальчика забрали в село»; в) субъекта 3-го лица множественного числа переходных глаголов: *агыльхацаа айшаа дыргылайт* «девушки поставили стол».

Текст «Строительного ритуала» может послужить образцом лично-местоименного спряжения глагола, где субъектно-объектные отношения выражаются с помощью местоименных префиксов, не являющихся показателями классов, а только лица и субъекта/объекта. Например: 1) *pa-la a-an-za-ar-aš-ma u-ri-e-eš hu-uz-za-aš-ša-i-šū* «Затем **его она** позвала кузнеца всемогущего»; 2) *a-an-tuh le zuh le-sterah bala le-šepšep* «**Их он** берет (себе) его одежды, его шкуры, затем его обувь». См. об этом [10: 105-110]

Анализ вышеприведенных предложений показывает, что для передачи субъектно-объектных отношений в переходных глаголах используются глагольные префиксы *a-*, *an-*, соотносимые с указательным местоимением: *a* (именительный падеж) является показателем прямого объекта (ед. и мн. число), *an* (эргативный падеж) – показателем субъекта. При этом указательное местоимение *a* выступает в роли личного местоимения 3-го лица единственного и множественного числа.

В адыгейском языке указательные местоимения *ар* «он/она», *ахэр* «они» (именительный падеж), *ац*, *ахэмэ* (эргативный падеж) выступают в роли личных местоимений 3-го лица: *Ар унэм ис*, букв. «Он/а (сидит) дома». *Ахэр унэм исых*, букв.

«Они (сидят) дома». *Ац джанэ еды* «Она шьет платье». *Ахэмэ джанэ ады* «Они шьют платье».

В современном абазинском языке указательное местоимение *ани* «тот» (отдаленный, видимый или невидимый предмет) часто употребляется в значении личного местоимения 3 лица, ед. и мн. числа, причем во множественном числе (эргативный падеж) оно принимает элемент *-м*: Ана-м *ауаса рцымI* «Они овцу зарезали» [11: 495].

В хаттских текстах, как правило, такой порядок слов, при котором субъектно-объектные отношения вначале выражаются в глаголе, а после глагола объект действия еще обозначается и существительным. Например: *a-an-tuh le zuh le šterah bala le šepšep*. – «**Их он** берет себе: его платье, его шкуры, а затем его обувь».

После глагола может также указываться не только объект, но и субъект действия *a-an-tuh Šulinkatti katte e-ua e le-x* – «**Их он** берет себе. Шулинкати–царь, его орудие и ...»

Как и глагольные местоименные префиксы, хаттские притяжательные местоимения складываются на основе именных классных показателей. Сопоставление адыгских окаменелых префиксальных элементов в именных основах, по происхождению древнейших экспонентов грамматической категории вещей, с хаттскими именными классными префиксами подтверждает их общность. Сравните:

1) хатт. префикс *i-* с адыгейск. я- [*ja*]: хатт. *ia-e* «зло, злое» – адыгейск. *ямIэ* «глина».

2) хатт. префикс *tu-* с адыгск. *ты-/ды-*: хатт. *tu-mi-il* «ливень» – адыгейск. *ты-жъыны*, каб. *ды-жъын* «серебро»

Сочетаемость хаттского слова *eš-uur* «страна» (*eš*–показатель класса вещей) с разными префиксами: *le uur(i)*, *še-uur(u)*, *te-uu r(i)* свидетельствует о том, что перед нами уже не классные показатели, а притяжательный местоимения.

Э. Форрер выявил употребление *še-* в

сочетании с существительными в качестве лица женского рода, противопоставив ему показатель мужского рода *le*. Однако он идентифицировал их как показатели множественного числа: *li-e-ib-bi-nu-u* «его сыновья» – *še-ib-bi-nu* «ее сыновья» [2: 234].

Анализ именных словосочетаний с *le-* «его», *še-* «ее» показал, что они могут соотноситься как с одним, так и с несколькими предметами обладания, т.е. не являются только показателями множественного числа. Сравните: *le-uel* «его дом» – *le-rinu* «его сыновья».

В абхазском языке *л-* является личным притяжательным префиксом 3-го лица единственного числа имен класса женщин: *аб* «отец – *лаб* «ее отец». Ср. с показателем 3-го лица единственного числа *и-* в подклассе мужчин: *ан* «мать» – *иан* «его мать».

Перевод *še-* притяжательным местоимением в *še-munamina* в тексте «Строительного ритуала» как «его (свои) камни фундамента» *Eštan Lahzan le uel a-ante-eh // pala a-aš-ta-hi-il=ma še-munamina* «Бог солнца в Лахцане его (свои) дом строит, он начинает их класть его (свои) камни фундамента» вызывает сомнение.

Логичнее предположить, что префикс *eš-/še-* (бывший показатель класса вещей) еще окончательно не сформировался в притяжательное местоимение определенного лица и числа. Недаром хеттский переводчик дает просто перевод «камень (камни) фундамента».

Анализ текстов подтвердил переход от классного к личному спряжению в хаттском языке. Однако дифференциация лично-местоименных префиксов по лицам и числам в том виде, в каком она существует в современных абхазо-адыгских языках, осталась незавершенной. На базе классных показателей в системе именных основ возникли первые притяжательные местоимения, которые, тем не менее, не устоялись, и зачастую невозможно установить, является ли тот или иной именной префикс показателем класса или притяжательным местоимением. Тем не менее, несмотря на длительный промежуток времени, разделяющий хаттский и абхазо-адыгские языки, число соответствий лично-местоименных префиксов в этих языках достаточно велико, что позволяет говорить об их генетическом родстве.

Примечания:

1. Soysal O. Hattisher Wortschatz in Hethittischer Textberlieferung // Handbook of Oriental Studies. Section 1. The Near and Middle East. Boston: Brill, 2004. Vol. 1. 1029 p.
2. Forrer E. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches // ZDMG. 1922. N. F. I, 2. 269 S.
3. Камменхубер А. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии. М.: Прогресс, 1980. С. 23-98.
4. Чикобава А.С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков АН СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6.
5. Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках / АН Грузинской ССР. Тбилисси, 1956. 154 с.
6. Kochlamazashvili L. The Grammatical Class System and the Peculiarities of its reflection in a Hattian Nominal // IV International Symposium of Linguist-Caucasiologists. Tbilisi, 2015. P. 29-30. (in the Georgian language).
7. Дунаевская И.М. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М.: Изд-во восточ. лит., 1961. С. 57-159.
8. Иванов Вяч.Вс. Хурритские и хаттские этимологии // Этимология. М.: Наука, 1981. С. 143-151.
9. Шакрыл К.С., Конджария И.Х., Чкадуа Л.П. Словарь абхазского языка. Сухуми:

Алашара, 1987. Т. 2. 543 с.

10. Тихонова А.П. Структурно-семантическая интерпретация глагольных основ в хаттском и абхазо-адыгских языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 4 (128) С. 105-110.
11. Адзинов Н.Х. Абазинско-русский словарь. С приложением краткого грамматического очерка абазинского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 536 с.

References:

1. Soysal O. Hattisher Wortschatz in Hethittischer Textberlieferung// Handbook of Oriental Studies Section 1.The Near and Middle East.Vol.1. 2004, Leiden – Boston: Brill. – 1029 p.
2. E. Forrer, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches. ZDMG, N.F. I, 2, 1922, 269 s.
3. Kammenhuber A. Hattic language // The ancient languages of Asia Minor. M.: Progress. 1980. – P. 23 - 98.
4. Chikobava A.S. On two main problems of learning Ibero-Caucasian languages of the USSR AS // Problems of Linguistics, 1955, No.6.
5. Rogava G.V. On the structure of nominal stems, and categories of grammatical classes in the Adyghe (Circassian) language. Tbilisi Publishing House of Georgian Academy of Sciences. 1956. – 154 pp.
6. Kochlamazashvili L. The Grammatical Class System and the Peculiarities of its reflection in a Hattian Nominal // IV International Symposium of Linguists Caucasiologists. – Tbilisi. 2015. – Pp.29-30. (In the Georgian language)
7. Dunayevskaya I.M. Principles of the Structure of the Hattian (Protohittite) Verb // A Collector on Asia Minor. Problems of Hittitology and Hourritology. M.: Publishing house of Oriental Literature, 1961. P. 57 – 159.
8. Vyach.Vs. Ivanov. Hurrian and Hattian Etymologies // Etymology. – M.: Nauka. 1981– P.143- 151.
9. Shakril K.S., Kondzaria I. Kh. Chkadua L.P. Dictionary of the Abkhazian Language. – Sukhumi: Alashara. – 1987. V.2. – 543 pp.
10. Tikhonova A.P. Structural and Semantic Interpretation of the Verbal stems in Hattian and Abkhaz-Adyghe Languages // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop. – 2013. Iss.4 (128). P.105-110.
11. Adzinov N.Kh. Abazin-Russian Dictionary with the Appendix of a Concise Grammar Essay of the Abazin Language. M.: Soviet Encyclopedia, 1967. – 536 pp.